

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

ЭНТОНИ
РИЧЕС

КЛЫК
ЛЕОПАРДА

Москва
2017

УДК 821.111-311.6
ББК 84(4Вел)-44
Р56

Anthony Riches
THE LEOPARD SWORD
© Anthony Riches 2012

Оформление серии *Андрея Саукова*

Иллюстрация на переплете *Павла Трофимова*

Ричес, Энтони.

Р56 Клык леопарда / Энтони Ричес ; [пер. с англ. А. В. Бушуева, Т. С. Бушуевой]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 416 с. — (Исторический роман).

ISBN 978-5-699-96515-1

Сын опального римского сенатора, скрывавшийся от имперского тайного сыска в Британии, возвращается на континент. Он и его сослуживцы направлены в Нижнюю Германию, только что опустошенную страшной эпидемией. Пользуясь сократившейся численностью вооруженных сил, провинцию терроризируют разбойники, среди которых множество бывших легионеров. Вновь прибывшие воины должны защитить город Тунгрорум от спаянной мощной шайки, во главе которой стоит невероятно жестокий и одержимый человек, тщательно скрывающий свое лицо...

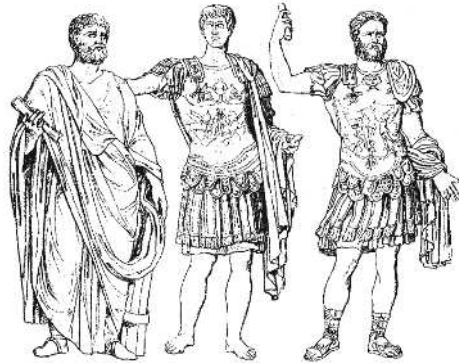
УДК 821.111-311.6
ББК 84(4Вел)-44

© Бушуев А.В., Бушуева Т.С.,
перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-96515-1

Посвящается Робину

ОТ АВТОРА

Работа над «Клык леопарда» в какой-то момент стала серьезным вызовом. Книга была наполовину написана, но сюжет никак не хотел разворачиваться дальше — образовался узел, который я не мог распутать. В самую худшую минуту этой тяжелой ситуации старый друг, услышав мою критику матча по регби в четверг вечером, ответил словами, коим было суждено возродить мою творческую жизнь: «Пиши у меня в кабинете». Так я и поступил. Никакого Интернета (это было крайне важно, так как позволяло не отвлекаться на пустяки), лишь чай, редкие разговоры и рекордные восемьсот-девятьсот слов в час. Словно за один шаг я перешел с телефонного Интернета на сверхширокополосный. Получив урок, я теперь снимаю переделанный в жилье курятник на местной ферме — где тоже нет Интернета — и когда не занимаюсь «настоящей» работой, уезжаю за несколько миль, чтобы написать кусок текста в блаженном покое и без возможности заниматься чем-либо другим, кроме сочинительства. За что тебе, Эдди Хики, положена величайшая благодарность, какая только сейчас возможна. Будем надеяться, что новый режим работы позво-

лит мне писать по две книги в год, не отвлекаясь на всякую чепуху.

Кроме этого я должен выразить традиционную, но оттого не менее сердечную благодарность следующим людям. Хелен — за то, что поддерживала и твердой рукой направляла меня (а также за позволение внести последние штрихи в сюжет на юге Франции). Детям — за то, что мирились со всем этим. Немного и собакам — за то, что, когда терпение близких готово было лопнуть, питомцы невольно дарили мне альтернативный взгляд на многие вещи, выраставший из необходимости кормить их и выгуливать. Мой агент Робин, как всегда, был сама тактичность, а редактор Кэролин из всех сил изображала бездеятельность и спокойствие, когда я в своем творчестве переходил уже всякие границы.

Что касается издательства «Ходдер энд Стоутон», то должен сказать, что работать с ним по-прежнему сплошное удовольствие, так что спасибо Франсин, Нику, Лоре, Джейми, Джеймсу, Бену и всем остальным, чьи имена я не могу запомнить по причине моей рассеянности. Клэр Паркинсон проделала потрясающую работу по редактуре текста — невзирая на кровяную и прочие малоприятные вещи, она умело его вычистила и спасла меня от многих конфузов. Молодчина! Джон Приджент также занимался вычиткой рукописи и, как всегда, сделал немало толковых замечаний.

Наконец, я, как всегда, благодарю всех, кто помогал мне на этот раз, но не был здесь упомянут. В этом нет вашей вины, виноват я сам, выражаясь трафаретно. Те, кто работает бок о бок со мной, скажут, насколько скверная у меня память, так что если я о ком-то забыл, приношу искренние извинения за такую неадекватность. Там, где исторически в книге все верно, — это лишь благодаря тому, что мне очень помогли, там же, где окажутся ошибки, они только мои.

Спасибо.

ПРОЛОГ

*Нижняя Германия,
сентябрь, 182 г. н.э.*

— Проклятый дождь! Дождь вчера, дождь сегодня и, похоже, дождь завтра. Повсюду эта проклятая сырость. Мои доспехи к утру снова покроются ржавчиной.

— Придется их чистить, если не хочешь, чтобы этот убудок снова вставил тебе фитиль.

При мысли о нескончаемой чистке доспехов от грязи и ржавчины — если только они не хотят навлечь на себя гнев центуриона — часовые обменялись гримасами. Вокруг сторожевой башни форта клубился холодный ночной туман, и капли влаги плясали на ветру, с тихим стоном продувавшим неприветливую местность.

Освещавший этот участок крепостной стены факел был окутан мерцающим коконом. Его свечение зловеще обволакивало часовых, не давая возможности разглядеть дальше нескольких шагов. Прикрыв глаза от света, они всматривались в окружающее пространство, иногда бросая взгляды вниз, внутрь крепости, чтобы никто — ни разбойник, ни центурион — не подкрался к ним.

— Уж лучше я буду надраивать до блеска доспехи, чем слушать жалобы этого старого паршивца на то, как тяжело жилось «в былые времена». «Когда хавки¹ нападали на нас со стороны моря, вот это было настоящее сражение, парни. Вам, соплякам, не понять, что это такое, пока холодная острая железяка не вонзится вам в...»

Солдат неожиданно умолк — его внимание привлекло какое-то движение, внизу, в темноте под стенами форта.

— Что там?

Моргая усталыми глазами, часовой долго вглядывался во тьму. Спустя какое-то время он отвел взгляд, но тотчас снова бросил его в ту сторону, где вроде бы мелькнула какая-то тень.

— Ничего. Мне показалось, будто я что-то там увидел, но, наверное, это просто туман. — Он покачал головой, уперся древком копья в деревянный настил и широко зевнул. — Ненавижу это время года. В мерзком тумане вечно что-то мерещится.

Его товарищ кивнул, перегнулся через стену и посмотрел вниз.

— Знаю. Порой мерещится, будто... — Он словно бы поперхнулся, а в следующий миг перевалился через парапет и исчез из вида. Пока второй часовой пытался понять, что случилось, за край деревянной стены ухватилась чья-то рука и на площадку сторожевой башни перевалилась одетая в темное фигура. Во второй руке пришелец сжимал короткое копьё, с острия которого капала кровь только что убитого часового.

В свете факелов блеснули сапоги с тяжелыми железными шипами на подошвах, позволившие ему подняться по отвесной деревянной стене. Услышав крик, донесшийся с другого угла крепости, часовой шагнул вперед и поднял копьё, чтобы ударить незваного гостя, но тот небрежно взмахнул рукой, и в следующий миг в горло римскому солдату вонзился холодный клинок. Закашлявшись кровью, солдат попятился назад, перевалился через парапет и полетел вниз.

¹ Название ряда древнегерманских объединений, живших на севере современной Германии.

Лежа в полудреме в своей маленькой, продуваемой сквозняками казарме, центурион чутким ухом безошибочно уловил звуки схватки. Он тотчас вскочил с постели и, толком не проснувшись, выхватил меч из ножен, висевших на спинке единственного стула. Лишь ощутив в руке его рукоять, он стряхнул с себя последние остатки сна и мысленно поблагодарил провидение за то, что завалился в постель, даже не сняв сапог. Центурион надел шлем и, выскочив в дверь, громким рыком приказал солдатам подниматься. Не ощущая на теле привычного веса доспехов, он казался самому себе едва ли не голым.

Справа выскочила какая-то фигура. В свете факела за спиной центуриона зловеще блеснуло острие копья. С резвостью, приобретенной за два десятилетия армейской службы, он отклонился в сторону, и копьё пролетело мимо. Сам же центурион, подавшись вперед, вогнал гладий в грудь неизвестному нападавшему. Выдернув лезвие, он оставил умирающего доживать последние мгновения на мокрой траве, а сам, на бегу подхватив с земли щит часового, упавшего со сторожевой башни, бросился к воротам крепости. Из окровавленного горла мертвого часового торчал метательный нож. Центурион нахмурился. Как же легко была уничтожена охрана крепости!

Он потихоньку двинулся вдоль бревенчатой стены, надеясь разобраться в том, что же все-таки случилось у входа. Увы, его взору вскоре предстала безрадостная картина. Ворота были распахнуты, и в них, потрясая мечами, уже устремилась масса нападающих.

Оставаясь в тени частокола, центурион пару минут наблюдал за тем, что происходит. У него на глазах неприятель смял нескольких защитников крепости и после короткой схватки грубо отбросил их в сторону. Приняв решение выскользнуть из крепости, чтобы сообщить о нападении на гарнизон своему трибуну в Тунгроруме, центурион покачал головой и отвернулся, чтобы не видеть кровавого зрелища. В следующий миг из темноты показалась темная фигура с коротким копьём в руке. Более того, рука была занесена для удара.

И удар не заставил себя ждать. Отбив его щитом, центурион изо всех сил врезал нападавшему в лицо рукой с зажатым в ней мечом. Отлетев к стене, тот с громким стуком ударился головой о бревна и с остекленевшими глазами сполз вниз. Центурион опустился на колени и, приставив острие гладиуса к его горлу, прошипел вопрос, который долгие месяцы был на устах всех римских солдат в этой провинции:

— Обдурон! Кто такой Обдурон?!

Оглушенный ударом, враг безмолвно смотрел на него снизу вверх, отказываясь отвечать на вопрос.

— Скажи мне, кто он, или я выпущу из тебя дух! — потребовал центурион.

Серьезность голоса, который угрожал расправой, не оставила будущей жертве сомнений в его искренности.

Придя в себя, лежавший осторожно покачал головой и, не сводя глаз с острия меча в руках у центуриона, тихо заговорил. Заглушаемые шумом схватки, его слова были еле слышны.

— Моя жизнь того не стоит.

— Согласен, — кивнул его противник.

В следующее мгновение лицо его посуровело. Поняв, что они не одни, центурион обернулся и, увидев за своей спиной солдат, вонзил меч в грудь поверженного врага. Затем он наступил жертве на грудь обутой в сапог ногой и выдернул меч. За его спиной, нацелив на него копьа, полукругом стояли с полдюжину тех, кто напал на крепость. Или нет, один был без копьа. Темная одежда, призванная скрыть их в темную безлунную ночь, не позволяла понять, кто это такие. Правда, пара лиц показалась центуриону смутно знакомыми.

Шестой человек был вооружен лишь мечом. Центурион невольно отпрянул назад. Лицо незнакомца было полностью скрыто за римским кавалерийским шлемом, толстое забрало которого отполировали до блеска. На фоне начищенной бронзы чернели дырки глаз и тонкая прорезь для рта. Незнакомец поднял щит, и в его поверхности отразился искаженный образ центуриона.

— Ты хотел увидеть Обдурона? Я перед тобой. И эта смерть, центурион, совершенно не нужна, если вспомнить, что твои люди уже рассеяны и убиты. Убитый был хоро-

шим человеком, одним из лучших моих воинов. Как ты понимаешь, я мог бы заставить тебя заплатить за его смерть, подвергнув долгим мучениям, тем более что ты сам выбрал такую расплату за пару мгновений собственного скоротечного триумфа. Забавно, не правда ли? — Его слова были едва слышны из-за мощного забрала, да и сам голос был искажен до неузнаваемости. Неудивительно, что солдаты всей провинции ломали головы над тем, чье лицо кроется за этой маской. — Этой ночью мы берем пленников, центурион, чтобы принять в наше воинство и уйти в лес. Ты останешься жив, если бросишь меч и щит, склонишь передо мной колени и пообещаешь верно служить. Иначе ты умрешь здесь, одиноко и бесславно, даже если храбро встретишь смерть.

Центурион покачал головой и вскинул меч, готовясь к бою.

— Прикажи своим воинам атаковать меня, и мы посмотрим, скольких я уложу, прежде чем они меня убьют. — Он плюнул на холодеющее тело поверженного врага, провоцируя незнакомца в маске выполнить угрозу. — Ты лишишься не только своего лучшего друга, но и еще нескольких человек.

Человек в маске в ответ покачал головой и выхватил из ножен длинный меч. В свете факелов зловец сверкнуло пестрое лезвие. Станный узор как будто подрагивал, отчего сам меч казался колдовским оружием.

— Ты прав, центурион. Я не стану понапрасну тратить жизни моих людей. Я сам расправлюсь с тобой.

С этими словами он наклонился, поднял с земли щит и, глядя в лицо центуриону, шагнул вперед и вскинул свой меч, демонстрируя противнику его острие. Какое-то мгновение они молча смотрели друг на друга, а затем центурион пожал плечами и занял оборонительную позицию. Но уже в следующую секунду он ринулся вперед и ударил мечом по щиту человека в маске.

Пару раз взлетал и опускался его гладий. На короткий миг центуриону показалось, будто он берет над противником верх: прикрываясь щитом, тот с каждым его ударом отступал назад. Занеся для удара меч, центурион шагнул еще ближе. Человек в маске на мгновение застыл на месте и встретил гладий центуриона своим мечом.

Два клинка со звоном скрестились. Во все стороны посыпался сноп искр, и от гладия центуриона в руке осталась лишь треть. Отрубленный пестрым клинком конец, блеснув, полетел на землю. Центурион, не веря собственным глазам, посмотрел на обломок в своей руке, а незнакомец в маске налетел на него с безжалостной яростью, не давая ему времени опомниться.

Горизонтальным ударом всесокрушающего меча он рассек щит центуриона. Прослоенная тканью древесина треснула пополам, как прогнившая крышка бочки. В одной руке остался искореженный обломок щита, в другой — бесполезный сломанный гладий.

Осознавая всю горечь своего положения, солдат швырнул в противника рукоятку меча, а затем обломок щита и в бессилии сжал кулаки. Рукоятка со звоном отскочила от бронзовой маски. Что до обломка щита, то человек в маске на лету разрубил искореженную деревяшку диагональным ударом. Затем, сделав шаг вперед, он отбросил свой щит и сжал меч обеими руками.

— А теперь, центурион, ты заплатишь цену, названную мной!

Взглянув на полированное забрало шлема противника, центурион увидел там свое поражение. Чувствуя, как в нем закипает ярость, он приготовился со звериным рыком броситься на врага. Но с той же стремительностью, с коей центурион собирался совершить отчаянный прыжок, человек в маске выверенным ударом вспорол римлянину живот. Но разрезать пополам он не стал — лишь перерубил позвоночник, после чего выдернул меч. Центурион повалился на землю. Из распоротого живота хлынула кровь и вывалились внутренности. Как будто осознав, что враг сделал с его телом, он растерянно моргнул, но затем взгляд начал меркнуть.

Человек в маске склонился над умирающим, точно желая что-то ему сказать. Но нет, он лишь вытер клинок о тунику центуриона и вернул его в ножны. И, чтобы остудить на прохладном ночном воздухе вспотевшее лицо, поднял забрало. Глядя на умирающего римского воина, он печально улыбнулся и уважительно качнул головой:

— Молодец, мой друг. Ты умер, как настоящий мужчина. Теперь ты на пути к своим богам — мы дадим тебе монету, чтобы заплатить за переправу в царство мертвых. На самом же деле, учитывая, где ты сейчас, тебя ждет лишь встреча с Ардуиной¹. Поверь мне, центурион, она мстительная злобная стерва.

Он отвернулся, но в следующий миг рука умирающего крепко схватила его за лодыжку. Центурион цеплялся за него из последних остатков сил.

— Ты?..

Человек в маске посмотрел на гаснущий свет в глазах умирающего.

— Да. Это я. Неожиданно, да? — Он высвободил ногу, бесстрастно наблюдая за тем, как жизнь покидает тело противника. Когда тот окончательно испустил дух, он сдвинул забрало вниз.

— Оттащите тело к воротам! Я хочу, чтобы к нам присоединились как можно больше римских солдат и чтобы они побудили своих товарищей в городе сделать то же самое. Думаю, тело их центуриона отлично пригодится для этих целей.

¹ В кельтско-римской смешанной мифологии — богиня охоты, хозяйка Ардени, горного и лесного массива на территории современных Бельгии, Люксембурга и Франции.